

В. А. Болдин, Б. Н. Карипов, А. А. Ширинянц*

**«ЗНАЧИМЫЙ ДРУГОЙ»: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ
«КУЛЬТУРА ДУХА» VS «КУЛЬТУРА РАЗУМА»: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ
И ВЛАСТЬ В БРИТАНИИ И РОССИИ В XVII–XVIII ВЕКАХ:
коллективная монография / под общ. ред. Л. П. Репиной.
М.: Аквилон, 2022. 1080 с., илл.»**

doi: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-188–191

Взаимоотношения интеллигенции и власти являются одной из старейших тем в истории социально-политической мысли. Искушение властью всегда преследовало интеллектуалов, даруя им надежду стать «философами у трона», чьи идеи определяют ход мировой истории. Платон, Никколо Макиавелли, Макс Вебер, Карл Шмитт, Мартин Хайдеггер — все эти выдающиеся мыслители ощущали на себе искус власти, а для многих он оказывался, по выражению А. Ф. Лосева, «душераздирающей трагедией».¹ Тем не менее из поколения в поколение интеллектуалы стремились конструировать социально-политические модели общества, становясь востребованными властью и «проникая в королевские приемные».² В связи с этим их оппозиция с властью иногда перерастала в прочные (и не очень) союзы. В отдельные же эпохи, наоборот, происходило то, что авторы сборника «Вех» охарактеризовали метким термином «отщепенство», который включал в себя сознательное самоустранение интеллигенции из поля взаимоотношений с властью и государством.³

Именно столь животрепещущей теме и посвящена коллективная монография ««Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках», вышедшая в 2022 г. в издательстве «Аквилон» в серии «Образы власти» под редакцией доктора исторических наук, профессора, члена-корреспондента РАН Лорины Петровны Репиной. Монография издана в рамках реали-

зации проекта, поддержанного Российским научным фондом (проект РНФ № 19-18-00186), и является результатом трехлетнего труда.

Работа над этой книгой объединила представителей ведущих отечественных и международных академических институтов и образовательных центров: Института истории и международных отношений Южного федерального университета, Университета Восточного Вашингтона (США), Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Днепропетровского государственного университета им. Олеся Гончара (Украина), Института истории и археологии Уральского отделения РАН, Института философии РАН, Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Российского государственного гуманитарного университета, Екатеринбургской духовной семинарии, Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Института всеобщей истории РАН, Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, Даремского университета (Великобритания), Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. Коллективную монографию отличает междисциплинарный подход к рассматриваемой теме, а среди ее авторов значатся не только ведущие отечественные и зарубежные историки (Репина Л. П., Высокова В. В., Редин Д. А., Тейлор С. и др.), но и ученые, работающие в предметном поле философии (Киселева М. С.) и филологии (Бинни М., Соболева Л. С.).

В предисловии книги указывается, что структура монографического исследования отвечает трем магистральным темам, фиксируемым в когнитивном поле двух стран в «эпоху перемен». Это «имперский дискурс и тесно связанное с ним развитие научной систематики (главы II–V); дискурс “нового политического порядка”, развивавшийся на основе “имперского проекта” и “национальной идеи” (главы VI–X), а также дискурс формирования новых

¹ Лосев А. Ф. История античной эстетики. Высокая классика. Харьков; М., 2000. С. 436. Ср.: Миронов В. В., Миронова Д. *Ein knabe, der träumt*, или Опыление властью // Логос. 2018. Т. 28, № 3. С. 149–183; Они же. Философ и власть: случай Хайдеггера // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 21–38.

² Миронов В. В. Душераздирающая трагедия: философ и власть // Философ и его время: к 125-летию со дня рождения А. Ф. Лосева. XVI Лосевские чтения. М., 2019. Т. 16. С. 17.

³ См.: Ширинянц А. А. Сборник «Вехи» и новая миссия интеллигенции // Тетради по консерватизму. 2017. № 4. С. 140.

* Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета М. В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

морально-этических ценностей (глава XI). В главе I предлагается подробная характеристика двух хронотопов, задающих контексты описания и основания сравнительного анализа дискурсивных практик «эпохи перемен» в Британии и в России XVII–XVIII вв.».⁴

Выбор объекта исследования и его хронологических рамок далеко не случаен. Два ключевых понятия этого выбора — «дискурсивные практики» и «эпоха перемен».

Объектом исследовательского внимания авторов коллективной монографии стали дискурсивные практики переходной эпохи, или, другими словами, ««работа» мысли и артикулирование смыслов», главными акторами которых стали интеллектуалы — «от самоучек до монархов». Именно они были «главными «конструкторами» нововременной культурной/национальной/имперской идентичности, ориентированной на созидание «лучшего/нового мира», что вновь и вновь заставляет обращаться к их наследию в поисках альтернатив «незавершенного проекта модерна»».⁵

Что касается хронологического аспекта исследования, то выбор временных рамок книги обусловлен, как подчеркивают авторы, прежде всего современным кризисом западных либеральных ценностей, когда «в фокусе исследователей вновь и вновь оказывается интеллектуальная культура «переходной эпохи» от Средневековья к Современности».⁶ Объясняется это тем, что, по сути, именно период XVII–XVIII вв., обозначенный авторами как «эпоха перемен», заложил сущностные особенности современного проекта модерна, который, хоть и обнаруживает кризисные тенденции, еще далек от своего завершения.⁷ При этом, как отмечается в книге, «сегодня изучение этого периода определяется несколькими взаимосвязанными историографическими тенденциями. С одной стороны, это смещение исследовательского фокуса не просто от «общего» к «частному» — к национальным и региональным особенностям, а стремление зафиксировать специфическое проявление человеческих универсалий в различных культурах на основе историко-компаративного подхода».⁸

Выбор Британии и России в качестве территориальных рамок предметного поля анализа также вполне обоснован. Эти два государства, а глубже — и две цивилизации, не имеют ничего общего только на первый, самый поверхностный взгляд. Если же смотреть глубже, то можно обнаружить множество параллельных сюжетов. Эти сюжеты и попали в исследовательскую оптику авторов монографии. И Британия, и Россия в XVII–XVIII вв. находились в «напряженном поиске новой территориально-национальной идентичности централизованных европейских государств».⁹ В свете этого процесса и в Британии, и в России происходил постепенный «переход от «культуры духа» к «культуре разума»», сопровождаемый обмирщением культуры и утверждением рационалистического взгляда на мир. Как считает известный отечественный специалист по «культуре разума» К. М. Андерсон, мировосприятие человека эпохи Просвещения «включало в себя веру в возможность изменять человека к лучшему, «рационально» изменяя политические и социальные установления».¹⁰

Авторы рецензируемой монографии вполне резонно замечают, что «ни в той, ни в другой стране постулируемый «переход» не означал установления абсолютного доминирования «нового» над «старым» и, тем более, полного замещения «старой» культуры новой — речь идет лишь о возникновении и созревании нового и в тенденции постепенных изменений в «балансе сил». Напротив, «культура духа» и «культура разума» веками уживаются в общем коммуникативном пространстве, а зачастую и в многообразном творческом наследии одного и того же мыслителя».¹¹ С данным тезисом сложно не согласиться. Добавим лишь вслед за К. М. Андерсоном, что, как «у архитектуры и драматургии, историографии и литературы были свои «века Просвещения», различающиеся и по продолжительности, и по обретениям», так и у каждой европейской нации был «свой век Просвещения, не всегда совпадающий по времени с расцветом и упадком Просвещения в соседних странах».¹²

Выбор Британии и России в качестве предметного поля исследования в книге определила

⁴ «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках. М., 2022. С. 10.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 5.

⁷ Идею «высокого Модерна» как особой стадии развития современности, противопоставленной понятию «постмодернизм», развивает британский социолог Э. Гидденс (См.: Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, California, 1990; и др.).

⁸ «Культура духа» vs «Культура разума»... С. 5.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Андерсон К. М. *Конец традиции: Просвещение и утопии XVIII–XIX веков // Утописты и прагматики: эпизоды истории общественной мысли Запада*. М., 2019. С. 258.

¹¹ «Культура духа» vs «Культура разума»... С. 6.

¹² Андерсон К. М. *Конец традиции*... С. 256, 257.

не только схожесть культурных процессов в двух странах. Интересен и тот факт, на который обращают внимание авторы, что на всем протяжении XVII–XVIII вв. социально-политическое и экономическое развитие двух стран было отмечено тремя сходными тенденциями: территориальным расширением, демографическим ростом и формированием на этой основе имперских властных структур. Все это позволяет сделать вывод о валидности сравнения исторического опыта развития Британии и России в «эпоху перемен» с учетом собственной национально-культурной специфики каждой страны.

Исследовательская задача, стоящая перед авторами монографии, была сформулирована следующим образом: изучение «процессов конкурентного функционирования традиций и новаций в соответствующих социокультурных пространствах (с наличием специфического культурного кода и спектром культурных моделей, признаваемых легитимными), наряду с устойчивыми формами концептуализации и способами интерпретации реальности, принятыми в данных сообществах».¹³ Решение этой амбициозной задачи осложнялось тем, что литература двух стран «взаимно перегружена историографическими мифами, возникшими в эпоху противостояния Британской и Российской империй».¹⁴ Можно с уверенностью сказать, что в нынешней ситуации международной напряженности эти мифы не только продолжают существовать, но и дополняются новыми фобиями и клише, а это отнюдь не облегчает научный поиск и двусторонние связи ученых России и Великобритании. На борьбу с историческими мифами, фобиями и клише и направлен исследовательский проект, реализуемый коллективом авторов под руководством Л. П. Репиной.

В качестве главной исследовательской стратегии, которая позволила бы решить поставленные задачи, авторами была обозначена следующая позиция — «изучение трансформационных процессов XVII и XVIII столетий в Британии и России сквозь призму доступной и представительной совокупности текстов интеллектуалов, выступавших как мыслители — носители интеллектуальных традиций и как деятели — проводники новых мировоззренческих установок, интерпретационных и поведенческих моделей».¹⁵ При этом в качестве ис-

ходной гипотезы авторы определили для себя, что «в символично-смысловой, идеально-ценностной и морально-нравственной сфере воздействие на общество и социальный контроль осуществляется не столько традиционными властными ресурсами, сколько способностью продуцировать и легитимировать идеи, значения, смыслы и знания, реализующие — пусть опосредованно — свою “силу” (если вспомнить ставшую крылатой фразу Ф. Бэкона).¹⁶ Особое внимание было сосредоточено на основных понятиях, в которых представители двух культур воспринимали и концептуализировали перемены в реалиях окружающей действительности, в отношениях между властью и социумом, а также в комплексе межличностных отношений, культурных представлений, в нравственных нормах, идеалах и ценностях».¹⁷ Среди интересных находок авторов можно отметить обнаруженные ими семантические пары/понятия, циркулировавшие в английском и русском обществе XVII–XVIII вв. Например, в книге показано, что русское «любовь к отечеству» соответствует английскому понятию *patriotism*,¹⁸ русское «общее благо» соотносится с английским концептом *commonwealth* или идеей «общего благосостояния/процветания» и т. д.¹⁹ Эти выявленные семантические корреляции позволили взглянуть на культурно-исторический опыт Британии и России в новом свете, обозначив «общее и универсальное в интеллектуальном дискурсе двух культур».²⁰

Подводя итог, можно констатировать, что авторам коллективной монографии удалось найти ответы на главные вопросы о том, как интеллектуалы Британии смогли «сформировать социально-ориентированный “облик” власти, заложив тем самым основы либеральной государственности, а напряженный духовный поиск в церковной гомилетике и риторике допетровской России оказался предан забвению».²¹ Как точно показано в монографии, и в Британии, и в России подавляющая часть населения в XVII–XVIII вв. пребывала

¹⁶ Ср.: Царегородцев С. С. *Consensus omnium* Фрэнсиса Бэкона. М., 2022. С. 47, 141, 169 и сл.; Царегородцев С. С., Ширинянц А. А. Первый политический меморандум Фрэнсиса Бэкона // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10, № 3 (77). URL: <https://history.jes.su/s207987840005237-9-1/> (дата обращения: 12.08.2022).

¹⁷ «Культура духа» vs «Культура разума»... С. 8.

¹⁸ См.: Там же. С. 747–820.

¹⁹ См.: Там же. С. 631–746.

²⁰ Там же. С. 947.

²¹ Там же. С. 10.

¹³ «Культура духа» vs «Культура разума»... С. 8.

¹⁴ Там же. С. 6.

¹⁵ Там же. С. 8.

в рамках устной традиции и христианского мировоззрения. При этом анализ дискурсивных практик обнаружил, что для России XVII–XVIII вв. была более характерна устная традиция воздействия интеллектуалов на социум через церковную гомилетику и риторику. Тем не менее «напряженный интеллектуальный поиск в среде немногочисленной группы образованных людей привел к победе идей регулярного государства и “общего блага”». В Британии же канон индивидуалистической морали «способствовал оформлению либерализма как идейно-политической доктрины и позволил достичь выдающегося экономического роста в XIX в.». Ключевым выводом исследования стало выявленное «типологическое сходство двух культур в процессах формирования “нового политического порядка”, а также — в тенденциях имперского развития и его тесной связи с накоплением естественно-научного знания».²²

В целом же очередной проект, реализованный коллективом авторов под руководством Л. П. Репиной²³ и нашедший свое воплощение в коллективной монографии «“Культура духа” vs “Культура разума”: интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках», является приглашением к диалогу между учеными-гуманитариями России и Британии, а шире, возможно, и между интеллектуалами и властью двух стран, ведь без такого взвешенного, спокойного диалога, построенного на научном поиске, а не на господстве мифов, фобий и идеологических клише, невозможно достичь процветания и взаимного уважения в условиях современной социально-политической турбулентности. Без понимания «значимого Другого»,²⁴ каким является, с одной стороны, Британия для России, а с другой — Россия для Британии, нашим странам невозможно будет понять и самих себя.

*Болдин Владимир Алексеевич, к.полит.н.,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*

*Карипов Балташ Нурмухамбетович, д.полит.н.,
Кокшетауский государственный университет (Кокшетау, Республика Казахстан)*

*Ширинянц Александр Андреевич, д.полит.н.,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*

²³ См. подр.: Болдин В. А., Ширинянц А. А. История — коррекция памяти // Журнал фронтальных исследований. 2020. Т. 5, № 4. С. 382–391.

²⁴ Концепцию «значимого Другого» в отношениях между Россией и США, согласно которой Россия и США постоянно сравнивали себя друг с другом для лучшего понимания собственной страны и выстраивания национальной идентичности, развивают американский историк Д. Фоглесонг, российские историки В. И. Журавлева, И. И. Курилла (Журавлева В. И., Фоглесонг Д. С. Конструирование образа России в американской политической карикатуре XX в. // Мифы и реалии американской истории в периодике XVIII–XX вв.: в 3 т. М., 2008. Т. 1. С. 189–262; Журавлева В. И., Фоглесонг Д. С. Русский «Другой»: формирование образа России в Соединенных Штатах Америки (1881–1917) // Американский ежегодник. 2004. М., 2006. С. 233–281; Курилла И. И. Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимопонимания России и США. М., 2018). Представляется, что термин «значимый Другой» можно использовать и в контексте исследования интеллектуальной истории Британии и России, особенно в период XVII–XIX вв.

²² Там же. С. 954.